

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. <i>Перевод Е. Романовой</i>	7
Уилла. <i>Перевод Е. Романовой</i>	12
Гретель. <i>Перевод А. Ахмеровой</i>	40
Сон Харви. <i>Перевод С. Самуйлова</i>	104
Стоянка. <i>Перевод М. Клеветенко</i>	116
Велотренажер. <i>Перевод Е. Доброхотовой-Майковой</i> .	134
Вещи, которые остались после них. <i>Перевод</i> <i>В. Вебера</i>	169
После выпускного. <i>Перевод М. Клеветенко</i>	207
Н. <i>Перевод С. Лобанова</i>	214
Кот из преисподней. <i>Перевод Е. Романовой</i>	278
«Нью-Йорк таймс» по специальной цене. <i>Перевод А. Ахмеровой</i>	296
Немой. <i>Перевод А. Ахмеровой</i>	306
Аяна. <i>Перевод Н. Парфеновой</i>	333
Взаперти. <i>Перевод Е. Романовой</i>	352
Комментарии к «После заката». <i>Перевод</i> <i>Е. Романовой</i>	405

Посвящается Хайди Питлор

Могу представить, что ты там разглядел. Да, все это, конечно, страшно, но в конце-то концов это лишь старая сказка, древняя мистерия... Такие силы нельзя назвать, о них невозможно говорить, их даже нельзя вообразить. Можно лишь пощупать покров, лежащий на них, — символ, понимаемый большинством просто как поэтическая прихоть, а то и глупая сказка. Во всяком случае, мы с тобой уже кое-что знаем о том кошмаре, который обитает в тайных закоулках жизни, скрывшись под человеческой плотью. Он, бесформенный, присвоил чужую форму. Как такое могло случиться, Остин? Нет, как такое может быть? И почему тогда солнце не померкнет, почему не расплавится и не закипит под такой ношей земля?

Артур Мейчен. Великий бог Пан*

---

* Перевод А. Егзарова.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Как-то раз в 1972 году я пришел домой с работы и застал жену за кухонным столом с садовыми ножницами в руках. Она улыбнулась, из чего я сделал вывод, что не все так страшно, а потом потребовала у меня бумажник. Тут я, конечно, насторожился. Жена порылась в бумажнике, нашла топливную карту компании «Тексако», позволявшую заправляться в кредит (их тогда рассылали по почте всем молодым семьям), и разрезала ее на три равные части. В ответ на мои возражения — карточка, мол, удобная, и на минимальный платеж в конце месяца нам всегда хватает, а иногда и больше удается закрыть, — она лишь покачала головой и сказала, что таких процентов наш хрупкий семейный бюджет выдержать не может. «Лучше убрать все соблазны, — добавила она. — Свою я уже разрезала».

И действительно, следующие два года мы обходились без кредиток.

Это оказалось очень правильным, *мудрым* решением с ее стороны, ведь нам было по двадцать с небольшим лет, а мы уже успели обзавестись двумя детьми и едва сводили концы с концами. Я преподавал английский в старших классах, летом же подрабатывал в прачечной: стирал постельное белье из мотелей и время от времени развозил его по адресам на служебном грузовике. Тэбби днем занималась детьми, писала стихи, пока они спали, а вече-

ром, когда я приходил домой, отрабатывала полную смену в «Данкин донатс». Нашего совместного дохода было достаточно на оплату жилья, продуктов, подгузников для младшего, а вот на телефон уже не хватало, и мы отказались от него точно так же, как от топливных карточек. Слишком велик был соблазн подольше поболтать с кем-нибудь по межгороду. Иногда оставалось немного денег на книги — мы оба не могли без них жить, — и на мои дурные привычки (пиво и сигареты), но не более того. И уж точно мы не могли позволить себе платить втридорога за привилегию носить в кармане очень удобный, но в конечном счете опасный кусок пластика.

Когда удавалось заработать чуть больше обычного, деньги уходили на ремонт машины, врачей и еще на то, что мы с Тэбби называли «детской лабудой»: игрушки, подержанный манеж, кошмарные детские книжицы Ричарда Скарри. Тут как нельзя кстати приходились мои рассказы, которые я иногда пристраивал в мужские журналы вроде *Cavalier*, *Dude* и *Adam*. В те дни я и не помышлял о серьезной литературе и любые разговоры о «художественной ценности» моего творчества были для меня такой же роскошью, как топливная карточка «Тексако». Рассказы были просто дополнительным источником дохода (да и то не всегда), неожиданной радостью. Каждый из них представлялся мне эдакой пиньятой, только для получения сладкого приза требовалась не палка, а сила воображения. Порой я действительно срывал куш, и тогда мне на голову сыпались доллары. А порой оставался ни с чем.

Мне страшно повезло (по правде говоря, мне вообще всю жизнь везет, и не только в этом): работа была в радость. На тех рассказах я отводил душу, оттягивался по полной. Они сыпались из меня, точно из рога изобилия, сменяя друг друга, как рок-хиты по радио, что непрерывно играло в стиральном цеху, заменившем мне кабинет.

Я работал быстро, на износ и после второй правки редко возвращался к написанному. Я не задумывался о том,

откуда берутся идеи или чем структура хорошего рассказа отличается от структуры романа, не забивал себе голову мыслями о временных рамках, о развитии персонажа, его происхождении и прошлом. Я писал по наитию, полагаясь исключительно на свое чутье и юношескую самоуверенность. Главное, что поток не пересыхал, а остальное неважно. Мне было невдомек, что умение писать рассказы — очень хрупкий навык, который без постоянной практики быстро утрачивается. Я этой хрупкости не чувствовал, мои рассказы шли напролом, как бульдозеры.

Известно, что именитые американские романисты почти не пишут рассказов. Думаю, финансовый вопрос тут ни при чем; успешным авторам можно не беспокоиться о деньгах. Скорее, когда романисту надо запихнуть целый мир в семьдесят тысяч слов, у него начинается что-то вроде творческой клаустрофобии. А может, со временем навык миниатюризации утрачивается сам собой. Да, разучиться ездить на велосипеде невозможно, и таких навыков немало, однако умение писать рассказы к ним не относится. Разучиться легко. В конце 1980-х и в 1990-е я все реже садился за малую прозу, а если и садился, то рассказы получались все длиннее и длиннее (парочка таких попала в этот сборник). Это еще ладно. Были и такие истории, которые я просто не успевал записать, поскольку заканчивал очередной роман или принимался за следующий. Идеи теснились у меня в голове, просились на бумагу. Некоторые я в конце концов записал, остальные так и пропали, разлетелись, как пыль по ветру.

Хуже всего, что были и другие — те, к которым я просто не знал, как подступиться. Меня это тревожило. Я понимал, что тогда, сидя за маленькой Тэббиной машинкой «Оливетти портабл» в стиральном цеху, я запросто их записал бы, но теперь, хотя я стал старше, матерее, отточил навыки и работаю на куда более дорогостоящем оборудовании — вроде «мака», за которым сейчас сижу, — эти истории от меня ускользают. Помню, как запорол одну, и у меня в голове возникла картинка: стареющий кузнец

растерянно вертит в руках превосходный толедский клинок и думает: «А ведь когда-то и я так умел...»

И вот однажды, года три-четыре назад, мне пришло письмо от Катрины Кенисон — редактора антологии «Лучшие американские рассказы» (позднее ее сменила на этом посту Хайди Питлор, которой посвящена данная книга). Мисс Кенисон спрашивала, не желаю ли я выступить редактором готовящегося выпуска 2006 года. Я немедленно согласился, не взяв ни дня, ни даже пары часов на размышления. Мотивы у меня были самые разные, в том числе альтруистические, но я буду последним лгуном, если не признаюсь, что корыстные все же преобладали. Стоит начитать добротной малой прозы, рассуждал я, — лучшей из того, что могут предложить современные литературные журналы, — как я, глядишь, воспряну и верну себе ускользающую легкость пера. Деньги меня не волновали. Это в юности на скромный гонорар от удачно пристроенного рассказа можно было купить новый глушитель для подержанного авто или подарок жене на день рождения, а теперь я не променял бы свое мастерство даже на пухлый бумажник, доверху набитый кредитками.

За тот год в роли приглашенного редактора я прочел несколько сотен рассказов, но распространяться о них не буду; если вам интересно, купите сборник и изучите предисловие (заодно порадуете себя двадцатью отменными рассказами, а это, поверьте, дорогого стоит). Самое главное, что ко мне вернулся юношеский кураж, и я опять начал писать по-старому. Да, на то и был расчет, однако я не смел надеяться, что это действительно произойдет. Первой появилась на свет «Уилла», которая и открывает данный сборник.

Хороши ли мои «новые» рассказы? Надеюсь. Помогут ли они скоротать вам время в самолете (если вы читаете бумажную версию) или за рулем (если слушаете аудиокнигу)? *Очень* надеюсь, ведь, когда такое происходит, это и есть настоящая магия.

Мне очень понравилось их писать, это факт. И надеюсь, вам понравится их читать. Надеюсь, они вас захватят. А я обязуюсь и дальше сочинять рассказы, пока еще помню, как это делается.

Ах да, чуть не забыл. Знаю, некоторым читателям интересно узнать, откуда берутся те или иные мои идеи. Если вы из таких читателей, в конце книги вас ждет «бонус-трек». Но если вы прочтете эти заметки раньше, чем сами рассказы, стыд вам и позор.

Что ж, не буду вас больше задерживать. Только позвольте поблагодарить за то, что пришли. Стал бы я писать, если бы вас не было? Да, определенно. Уж очень мне нравится смотреть, как из слов получается картинка, а потом картинка оживает и выдуманные люди совершают удивительные дела. Но с тобой гораздо лучше, Постоянный Читатель.

С тобой всегда лучше.

*Сарасота, Флорида.
25 февраля 2008 года.*

УИЛЛА

Ты дальше своего носа ничего не видишь, сказала она. Может, отчасти он и заслужил ее насмешки, но не такой уж он был и слепой. Например, сейчас, когда последние закатные всполохи угасли и небо над хребтом Уинд-Ривер затянула рыжеватая мгла, Дэвид окинул взглядом станцию и заметил, что Уиллы нигде нет. Он твердо сказал себе, что такого не может быть, но то был голос разума, а сердце уже давно ушло в пятки.

Дэвид отправился на поиски Лэндера, которому Уилла вроде пришлась по душе. По крайней мере, он назвал ее «боевой девкой», когда та обозвала железнодорожную компанию «Амтрак», по чьей милости они тут застряли, теми еще сволочами. Остальным Уилла не нравилась вообще, что бы они там ни думали об «Амтраке».

— Воняет черствыми крекерами! — заорала Хелен Палмер, когда Дэвид проходил мимо нее.

Она опять оккупировала свою излюбленную скамейку в углу. Ее муж отошел ненадолго, и за миссис Палмер сейчас присматривала женщина по фамилии Райнхарт. Она улыbnулась Дэвиду.

— Вы не видели Уиллу? — спросил Дэвид.

Райнхарт помотала головой.

— А на ужин опять рыба! — истошно завопила миссис Палмер; на ее виске вздулось сплетение синих вен. — Не понос, так золотуха!

Несколько человек обернулись на ее крик.

— Тише, тише, Хелен, — принялась успокаивать ее Райнхарт.

Возможно, ее звали Салли, но Дэвид запомнил бы такое имя. В наше время его нечасто услышишь. Миром теперь правят имена Эмбер, Эшли и Тифани. Уилла — тоже вымирающий вид. От этой мысли сердце у него опять ушло в пятки.

— Крекерами! — выплонула Хелен. — Мерзкими черствыми крекерами несет!

Генри Лэндер сидел на скамейке под часами, обняв за плечи жену. Не успел Дэвид к нему обратиться, как он покачал головой.

— Ее здесь нет. Сожалею. Если в город пошла, считай, тебе повезло. А то ведь и вовсе сбежать могла. — Он оттопырил большой палец, изображая автостопщика на дороге.

Дэвид не верил, что его невеста могла в одиночку рвануть автостопом на запад — ну бред же! — однако здесь ее действительно не было. Он это понял еще до того, как пересчитал всех пассажиров по головам. Вспомнилась строчка из старого стихотворения о зиме: «Вой пустоты, и в сердце пустота...»*

Станция представляла собой узкий дощатый тоннель. По всей ее длине люди либо бесцельно слонялись туда-сюда, либо сидели на лавках под флуоресцентными лампами. Плечи сидевших были по-особому ссутулены — как у тех, кто уже очень давно ждет, когда все неисправное исправят и можно будет продолжить прерванное путешествие. Мало кто оказывался в таком захолустье, как Кроухарт-Спрингс, штат Вайоминг, по собственной воле.

— Только не вздумай бежать за ней, Дэвид, — сказала Рут Лэндер. — Уже темно, а вокруг станции кто только ни бродит. Ладно бы койоты! Тот колченогий коммивояжер сказал, что видел у склада, возле путей, двух волков.

---

* Дж. К. Рэнсом «Воспоминания о зиме».